

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	5
Глава первая. ОХОТНИК И ОБОРОТЕНЬ	21
Глава вторая. ЧТО СКАЗАЛИ РУНЫ?	31
Глава третья. ГНЕЗДОВЬЕ РОДА ЛОВЬЯТАР	42
Глава четвертая. ПОТОМКИ КАЛЕВА	56
Глава пятая. «УХОДИ И НЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ!»	70
Глава шестая. ЧУДОВИЩЕ С СЕВЕРА	78
Глава седьмая. ВЕКОВЕЧНЫЙ ЗАЩИТНИК	86
Глава восьмая. ЙОУКАХАЙНЕН В ПУТИ	98
Глава девятая. НАЗОВИ МНЕ ИМЯ!	111
Глава десятая. ВРАТА ПОХЪЁЛЫ	120
Глава одиннадцатая. МЕРТВЫЙ РАЙДЕН	131
Глава двенадцатая. РЯБИНОВАЯ НОЧЬ	147
Глава тринадцатая. ПОХЪЁЛЬСКИЕ ПЕСНИ	164
Глава четырнадцатая. ДОБРЫЕ ВОДЫ КЕММИ	176
Глава пятнадцатая. ПЛАЧУЩИЙ МЕЧ	189
Глава шестнадцатая. ГАДАНИЕ КЮЛЛИКИ	201
Глава семнадцатая. ЛЕДЯНОЙ ПОТОК	212
Глава восемнадцатая. ПЕСНЯ О ТРЕХ ХИЙСИ	222
Глава девятнадцатая. В УСАДЬБЕ ТАПИО	244

Глава двадцатая. Колдун из Похъёлы	256
Глава двадцать первая. НАКАЗАНИЕ ЙОУКАХАЙНЕНА.	268
Глава двадцать вторая. РАЗУКРАШЕННЫЕ САПОГИ	278
Глава двадцать третья. СМЕРТЕЛЬНЫЙ БОЙ	293
Глава двадцать четвертая. ГНЕЗДО НА ВОЛНАХ . .	306
Глава двадцать пятая. ВОЗВРАЩЕНИЕ в КАЛЕВА	317
Глава двадцать шестая. ВОПРОШАНИЕ ПРЕДКА. .	331
Глава двадцать седьмая. ЗИМА ЗА СПИНОЙ	340
Глава двадцать восьмая. БЕЛЫЙ КАРХУ	354
Глава двадцать девятая. СБОРЫ В ДОРОГУ	365
ПРИМЕЧАНИЯ.	380

Пролог

Солнце взошло в густом тумане, а потом с севера налетел такой колючий и студеный шквал, словно кто-то наслал его с самого Вечного Льда. Еще вчера море было зеленым, как летний луг, а теперь катились одна за другой угрюмые тусклые волны. Небо с утра затянуло слоистыми облаками. Солнце то проглядывало сквозь них расплывчатым пятном, то скрывалось в мутной хмари. Одно хорошо — ветер скоро переменялся с северного на южный. Поставили мачту, подняли парус — корабль побежал веселее.

Драккар был двадцативесельный, всей команды — четыре десятка гребцов да кормчий-варг с двумя помощниками. На веслах трудились бледные малорослые саами, которых наловили по прибрежным селениям и заставили грести, угрожая смертью.

Управившись с парусом, варги устроились на корме отдохнуть и перекусить. Каждый вытащил свои припасы — то, что догадался взять в поход. Гребцов же не кормили второй день. Зачем тратить снесь на тех, кому не суждено вернуться?

«Как кстати пришелся попутный ветер, — подумал Бьярни, кормчий. — Еще такой денек, как вчера, и господам тунам пришлось бы самим садиться на весла».

Он представил себе это зрелище и усмехнулся, убедившись, что туны не смотрят в его сторону.

Корабельщики задумчиво съели по куску вяленой трески, зажевали кислым ржаным хлебом, и Аке, молодой помощник, тихо спросил:

— Узнали, куда идем-то, дядька Бьярни?

— Куда похъёльцы скажут, туда и пойдем, — ответил кормчий, суровостью тона намекая Аке, что лучше бы тому помолчать.

Но помощник не унимался:

— Недоброе здесь место — что небо, что море. Ветер переменялся, как будто кто-то чародейский узел развязал.

— Почему же как будто, — тихо отозвался старший варг.

— А ты заметил, что уже почти полдень, а тени не двигаются?

Бьярни промолчал, поскольку сказать ему на это было нечего. Он уже не раз нанимался кормчим к тунам, но таких странных походов еще не случалось. Третий день, как они отчалили от берега, сразу взяв курс в открытое море, и с тех пор их окружали только волны, косатки да косяки рыбы. И плавучие ледяные горы, которым в это время года здесь появляться не положено. Бьярни хорошо знал все берега Дышащего моря, от единственной незамерзающей гавани Похъёлы до извилистых заливов нордлингов, но куда они сейчас забрались, не понимал.

И море незнакомое, и всё вокруг неправильно. Вчера целый день упорно дул встречный ветер, гребцы выбивались из сил, а к вечеру море заволокло туманом и почти сразу всех потянуло в липкий, неодолимый сон. Слава Одноглазому, выручили

туны — полночи пели заклинания, отгоняя белое марево и не давая никому заснуть. Наконец туман разметало ветром — и на небе проглянули незнакомые звезды.

— Туны небось знают, куда плыть, — повторил Бьярни. — Они нас отсюда выведут.

— Ничего, без нас все равно не выберутся, — проворчал Олоф, надсмотрщик за гребцами, садясь рядом и доставая увесистый мешок со снедью. — Ветер-то попутный задул — ух, вовремя! Рыбеды едва веслами ворочают. До чего же квелый, никудышный народец эти саами, и взять с них нечего. Помню, позапрошлым летом ходили мы...

— У тебя, говорят, ночью несколько гребцов погибло?

— Вроде того. Кто сидел дальше всех от тунов и тумана нахлебался — уснул и не проснулся. Их так спящими и выбросили за борт. — Олоф оглянулся, понизил голос: — А может, сначала туны кровь выпили, а выкинули уже потом. Не пропадать же добру.

— Хватит повторять саамские выдумки, — с досадой сказал Бьярни.

— Выдумки-то выдумками, однако... Я следил за тем, как бросали спящих гребцов, у одного точно кровь спустили. Уж поверь, я разбираюсь. Думаешь, почему туны с собой еды не взяли? — Олоф махнул рукой вниз, где виднелись головы гребцов: — Вон она, их еда...

Аке недоверчиво фыркнул:

— Быть того не может! Да я бы никогда к людоедам не нанялся!

Бьярни и Олоф одинаково ухмыльнулись.

— Пусть хоть друг друга жрут, лишь бы нам платили, — сказал надсмотрщик.

Туны недаром набирали наемников только среди мореходов-северян. Слухи об отваге и жестокости варгов расходились по всему миру гораздо дальше, чем заплывали их драккары. Что на море, что на побережьях их боялись сильнее, чем злых чародеёв-тунов. Темная страна Похьёла, где царит вечный холод и ночь длится полгода, слишком далеко, чтобы бояться ее по-настоящему. Алчность же варгов неутолима.

— Ты не прав, — возразил надсмотрщику Бьярни. — Никто никого не жрет. Туны все ж не звери... хоть, конечно, и не люди. А не взяли припасов, потому что точно знают, куда и сколько нам плыть.

Подумал и добавил:

— Надеюсь.

Наемники одновременно посмотрели на нос драккара. Там с самого рассвета стояли туны, неподвижные, словно изваяния. Не мигая, смотрели вперед, в свинцовое море, изредка перебрасываясь словами на своем тайном языке. Как будто каждый миг чего-то ждали.

Тунов было шестеро. Акка Лоухи, ее ближайшие родичи и охрана, ее придворный колдун с учеником. Все они принадлежали к роду Ловьятар, древнейшему и самому сильному в Похьёле. Отплывали из столичной гавани в глубокой тайне. Хотя какие тайны могут быть у одного туна от другого? Недаром говорят, что тун рождается колдуном, как, к примеру, варг — воином, и охотником — лесной житель карьяла.

Акка Лоухи, глава рода, выглядела худой, высокой старухой. У нее было костистое лицо и не по годам острый взгляд хищной птицы. Жесткие си-

вые пряди падали на спину из-под железного венца, в ушах покачивались оправленные в серебро аметистовые щетки. Широкое ожерелье, защищающее не хуже доспеха, скрывало острую грудь. Лоухи славилась по всему северу как грозная чародейка; иные поговаривали, что она сродни богам... Охрана за ее спиной присутствовала скорее для пущей важности, а не по необходимости. На своем корабле та, кого давно уже называли Хозяйкой Похъёлы, могла никого не опасаться.

Колдун по прозвищу Филин, настоящего имени которого никто не знал, смотрелся рядом с ней дряхлой развалиной. Поредевшие волосы выбелила старость, а тонкие кости как будто гнулись под невеликой тяжестью его тщедушного тела. В худых птичьих лапках он держал гусли-кантеле, искусно сделанные из высушенной человеческой руки. Струны были натянуты на скрюченные пальцы, словно бывший хозяин руки перед смертью запутался в железной паутине. Кантеле, разумеется, чародейское; подобного ему не было ни у кого в Похъёле, и не было туна, который не мечтал бы заполнить его.

Позади Лоухи застыли родичи-туны, ее свита и охрана. Одетые, на первый взгляд, неказисто — в косматые серо-сизые плащи от шеи до пят. Однако любой, кто хоть раз видел тунов вблизи, сразу понял бы, что это никакие не плащи, а мощные крылья. Похъельские оборотни, распушив перья, наслаждались потоком ветра. Людям он казался смертоносно-холодным, тунам же был ласковым бризом. Все они схожи между собой: длинные черные или сизые волосы, схваченные железными обручами, пронзительные аметистовые глаза, смуглая кожа с синеватым отливом, тонкие птичьи черты, почти безгубые

рты. Маховые перья охранников украшали острые железные накладки, лица скрывали легкие клювоголовые шлемы, руки — когтистые латные перчатки. Рядом с Лоухи стоял мальчик-подросток, черноволосый, в иссиня-черных перьях. На плече у него висело кантеле в чехле — не костяное, обычное.

— Смотрите! Чайки! — воскликнул он первым, указывая куда-то в пустоту моря и неба. — Впереди земля!

Остров возник словно видение. Растаяла туманная дымка, и вдруг появился он — огромный одинокий камень посреди моря. Издалека виднелась полоса белой пены там, где скалистые берега встречались с волнами. Над пеной с криками летали чайки. Выше росли сосны, цепляясь корнями за каждый уступ. А над зеленой полосой сосняка высилась исполинская гора. Поросшая кустарником, словно древний ствол — мхом, она круто уходила вершиной в облака.

— Ого, какая высокая! — задрал голову, с восхищением воскликнул мальчик-тун. — Жалко, что небо в тучах. Не увидеть, насколько она высока...

— Ее вершины никто не видел, кроме богов, Рауни, — ответил колдун. — Она уходит к звездам.

Если бы туны вздумали обернуться, их бы наверняка позабавило то, как потрясены увиденным наемники-варги. Бьярни и Олоф трясущимися руками нащупывали обереги, бормоча имена богов. Аке на всякий случай преклонил колено.

— Помоги нам, Всеотец! — наконец выговорил Олоф. — Это же Великий Ясень! Один из трех его корней, что растет из Мидгарда!

Чуть ли не впервые в жизни варги по-настоящему перепугались. Среди людей они ни с кем не побоялись бы вступить в бой, но оскорбить богов — совсем другое дело! Боги варгов были могущественные, злопамятные и мстительные — такие же, как они сами.

Но тунам не было никакого дела до переживаний наемников. Они с удовольствием разглядывали остров, словно он уже стал их собственностью.

— Вот она перед нами — Звездная Ось, на которой крутится колесо мира, — с торжественным видом произнес Филин. — Здесь не бывает смены дня и ночи. Здесь не движется само Время!

— Я уж и не надеялась, что мы сюда доберемся, — ехидно сказала Лоухи. — Думала, заблудимся, как в прошлый раз. И в позапрошлый.

Старик нахохлился:

— Если бы не мое чародейское искусство, что провело нас меж двух миров невредимыми...

— Да если бы не подсказки Алчущей Хорна, с которой я — именно я! — расплатилась кровью...

— Жутковато здесь, правда? — невзначай перебил их мальчик. — У меня даже перья дыбом!

Чародей и колдунья разом замолчали. Лоухи покосилась на Филина и язвительно улыбнулась.

— Это божественное место, Рауни, — кашлянув, объяснил колдун. — Оно не для смертных. Каждый шаг по этой земле — дерзкое вмешательство в замысел мироздания.

— Правда, что оттуда даже днем видна Полярная звезда? — спросил юный тун.

— Ступица Мирового Колеса, — уточнил колдун. — Так оно и есть.

— Везет же тебе, дядя Филин, — увидишь все собственными глазами! Взял бы меня с собой на остров, а?

При этих словах Лоухи вздрогнула. Но колдун не заметил этого. Он добродушно сказал мальчику:

— Будь я уверен, Рауни, что от тебя будет хоть какая-то польза, я бы тебя взял. Но пока твоя игра на кантеле оставляет желать лучшего.

— Что ж, я по крайней мере видел Мировую Ось с драккара, — беспечно сказал Рауни. — Сестренка лопнет от зависти, когда я вернусь и расскажу ей!

Колдун похлопал мальчика по худому плечу и повернулся к Лоухи.

— Приступим, — сказал он. — Для начала попробуем подойти поближе к острову и выгрузить жертвы.

В прибрежных рифах кипел прибой. Едва взглянув на него, Бьярни заявил, что пристать к берегу нечего и пытаться. Обойдя остров, издали высмотрели место, где берег полого спускался к воде, но добраться до него на драккаре не было никакой возможности.

Филин тронул струны своего зловещего кантеле и тихо запел, но сразу же оборвал пение.

— Бесполезно, — сказал он. — Я сам себя не слышу. Бросайте якорь.

Корабль остановился шагах в ста от берега. По приказанию колдуна Олоф поднял всех гребцов с их скамеек у весел. Саами столпились в середине драккара, покачиваясь от голода и усталости.

— Всех за борт! — приказал Филин. — Пусть добьются вплавь!

Олоф аж язык прикусил — так ему хотелось спросить: «А обратно-то как без гребцов пойдём?»

Саами с ужасом глядели в свинцовую воду, полную плавающей ледяной крошки. Тун-охранник, с ног до головы в железе, сказал с насмешкой:

— Волны невелики, вода теплая, берег близко. Доплывете! Прыгайте сами, не то поможем!

Мальчик-тун тоже был удивлен. Он провожал глазами гребцов так, словно кто-то высыпал в море мешок доброй еды.

— Матушка, всю дорогу мы пели, призывая ветер и разгоняя туман, — обратился он к Лоухи. — Мы потратили столько сил, чтобы добраться сюда. Как мы восстановим их на обратном пути?

— Если ты голоден, охоться — море полно рыбы, — резко ответила Хозяйка Похъёлы. — Или хочешь стать безумным кровососом и скитаться по Вечному Льду до самой смерти?

Рауни виновато потупился. Лоухи смягчилась:

— Если добьемся успеха, будем дома еще до заката!

В темных волнах, в белой пене среди скал мелькали головы плывущих саами. Лоухи проводила их равнодушным взглядом и повернулась к колдуну. Только она и Филин знали, что предстоит делать.

— Ты подготовил Вместилище?

Филин кивнул и достал из-под скамьи объемистый кожаный мешок.

— Что там у тебя? — полюбопытствовал Рауни. — Голова деда?

Колдун с невозмутимым видом развязал тесемки мешка и вынул... ручную мельницу-сампо. Небольшую деревянную посудину с расписной крышкой и вертящейся ручкой. Женщины из племени

карьяла мелют в таких ячень и рожь — при их скудных урожаях ручных жерновов вполне достаточно. Маленькая мельница смотрелась удивительно неуместно в руках туна, на драккаре среди моря и уж тем более — возле запретного острова, откуда уходит в небо Мировая Ось.

— Ты издеваешься? — оскалившись, зашипела Лоухи. — Что это за посудина?!

Филин ухмыльнулся:

— А я думал, ты оценишь мою шутку. К тому же это не только шутка. Я позаботился о твоём удобстве и безопасности...

— Ах ты, старый дурак! Где череп моего отца, который я дала тебе перед отплытием? Куда ты его дел?!

— Сама ты старая дура, племянница, — не остался в долгу Филин. — Ты что, не помнишь своего отца? Не знаю и знать не хочу, почему ты решила сделать из его черепа Вместилище, но всё же в роли Хозяйки Похъёлы мне приятнее ты, а не его злобный дух!

— Ты о чем, дядя Филин? — не понял Рауни.

Колдун не ответил. Лоухи же всё сразу поняла и мысленно с ним согласилась, но не подала и виду, а сказала с досадой:

— Представляю, какой лупоглазой гагарой я буду выглядеть перед главой рода Кивутар, когда вернусь в Похъёлу с нелепой карьяльской мельницей вместо могущественного предка-помощника!

— Вот именно, — со значением сказал колдун. — И хлопот у тебя будет значительно меньше.

Он деловито взглянул на уходящую в облака гору и передал костяное кантеле своему ученику.

— Посторожи. Оно мне там не понадобится, — сказал он в ответ на удивленный взгляд Рауни. — Здешние воды меня то ли не слышат, то ли не понимают, а саму Мировую Ось пением рун не прийдешь. Тут нужна магия посильнее!

Филин сунул за пояс серебристый топорик в кожаном чехле, встряхнулся, расправил крылья. Сжал мешок с сампо в мохнатых когтистых лапах — и взмыл в воздух. Огромная пернатая тварь, отдаленно похожая на белую сову, описала круг, пролетела над бурунами и благополучно опустилась на пологий берег острова.

Как только лапы колдуна коснулись песка, он вернул себе прежний, более удобный облик. Саами — те, кому удалось преодолеть рифы, — уже выбрались на сушу. Сбившись в кучу, они поглядывали на оборотня-туна и тряслись от холода — сил на то, чтобы бояться, у них не осталось. Колдун на них и не глядел. Ему, наоборот, было жарко. Житель ледяного края земли, он только начинал чувствовать холод, когда люди и звери уже замерзли насмерть.

Все, кто оставался на драккаре, прилипли к левому борту, не отрывая глаз от колдуна. Вот он поднимается по склону среди сосен, идет к основанию горы — или Корня Мирового Древа? — повесив сумку с сампо на плечо и доставая на ходу из чехла топорик. Саами тащатся за ним, как на привязи. Молодой варг Аке затаил дыхание: наконец-то он увидит знаменитое колдовство тунов, о котором столько слышал! А Бьярни уже догадался, что затеяли проклятые оборотни, и теперь быстро обдумывал, не сигануть ли в воду с другой стороны драккара, пока не началось. Но вот что-то блеснуло среди сосен — это колдун приготовил топор. Взметнулось лезвие... и глубоко вонзилось в замшелую скалу!

Варги вздрогнули и зашептали жаркие молитвы Всеотцу и всем его небесным воинам, убеждая их, что они в этом святотатстве не замешаны и оказались здесь чисто случайно.

Топорик поднимался и падал снова и снова. По морю далеко разносился звон металла о камень. Вскоре колдун наклонился и поднял с земли вырубленный им кусок Мирового Древа размером с кулак. Подняв его над головой, Филин показал его оставшимся на корабле родичам, достал сампо, снял крышку и положил камень внутрь. Потом повернулся к драккару и торжествуя поднял сампо над головой.

Лоухи перевела дыхание.

— А боялись-то! А готовились! — пробормотала она и вдруг осеклась, впившись пальцами в борт.

— Смотрите, что это с птицами?! — в тот же миг воскликнул Рауни.

В самом деле, чайки точно сошли с ума. С пронзительными криками они летели к острову, как будто Мировая Ось притягивала их, — и падали грязно-белыми комками. Не долетая до земли, птицы сыпались в волны, разбивались о скалы, повисали в кронах сосен. Аке вскрикнул и ткнул пальцем в воду: одна за другой у борта кверху брюхом всплывали рыбины.

— Ставим парус, уходим! — закричал Бьярни.

Он вскочил, первым готовясь бежать к мачте, но, как на стену, наткнулся на взгляд Лоухи.

— Нет, — отрезала Хозяйка Похъёлы. — Сперва должно завершить начатое!

Остров умирал, как будто кто-то высасывал из него жизнь. За считанные мгновения пожелтела вечнозеленая хвоя сосен. По телу скалы — или

по стволу Иггдрасиля? — пробежала дрожь. Покатились камни, посыпалась сухая хвоя. Саами один за другим начали падать на землю, словно из них вынимали кости. Лоухи впивалась когтями в борт и ломала их, сама того не замечая, но ее зоркие птичьи глаза не упускали ничего. Она и увидела, что смерть словно очертила круг, который быстро смыкался, и серединой этого круга был старый Филин. С каждым умирающим саами смерть двигалась чуть медленнее, как будто спотыкаясь о живые души, и колдуну хватило времени сделать то, что нужно. Филин крутанул ручку сампо и торопливо воскликнул:

— Защищен!

В тот же миг наступление смерти прекратилось.

Филин стоял на пяточке зелено-бурой осенней травы, в окружении мертвых сосновых стволов, на сером берегу, заваленном иссохшими трупами жертв, и неуверенно улыбался. Руки его дрожали, но не выпускали спасительную мельницу.

— Она слушается! — дрожащим голосом воскликнул он. — Она исполняет...

Вдруг свет померк, и с неба на колдуна обрушилась крылатая тень. Хлестнула по лицу перьями, словно плетью, вырвала сампо из ослабевших рук. Колдун раскинул крылья, привычно превращаясь в летучую тварь... но не смог оторваться от земли. Только захлопал впустую одним крылом. Второе так и осталось до локтя омертвевшей человеческой рукой.

— Лоухи! — взвыл он, еще не понимая до конца, что пропал. — Меня задело! Мне отсюда не выбраться!

— И прекрасно, — пробормотала Лоухи, опускаясь на палубу драккара с сампо в когтях.